

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1985

Сборник статей

МОСКВА
«НАУКА»
1985

Сборник посвящен актуальным проблемам истории социалистических и утопическо-коммунистических идей в Западной Европе и Америке в XVI—XIX вв. Особое внимание обращено на изучение теоретической разработки Энгельсом вопросов, связанных с указанной проблематикой. Ряд статей посвящен истории утопического социализма XIX в. (распространению идей Сен-Симона в России, утопии Т. Сквидмора, социалистическим идеям в чартизме). В сборнике содержатся материалы по историографии утопического социализма, помещен раздел публикаций.

Редакционная коллегия:

Л. С. ЧИКОЛИНИ (ответственный редактор),
В. М. ВОЛОДАРСКИЙ (ответственный секретарь),
Н. Ю. КОЛПИНСКИЙ, В. А. МАЛИНИН, Т. А. ПАВЛОВА,
Н. Б. ТЕР-АКОПЯН, А. Э. ШТЕКЛИ

Веб-публикация: *Vive Liberta, 2011-2013*

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

В. В. Галкин	Идеи социализма в чартистском движении (конец 40-х — начало 50-х годов XIX в.)	3
А. Э. Штекли	Подготовительные работы к «Анти-Дюрингу» и вопрос о начале утопического социализма	29
Г. С. Кучеренко	Некоторые сведения об отношении к Сен-Симону и сенсимонистам в России (XIX — начало XX в.)	45
М. Н. Соколова	Сюдр — историк утопического социализма	67
К. Э. Кирова	Итальянские умеренные и французский утопический социализм и коммунизм (30—40-е годы XIX в.)	81
К. М. Андерсон	Томас Сквидмор: отголоски просвещения или ростки американской утопии?	107
В. В. Карева	«Утопия» Томаса Мора в издании М. де Керлона	138
Т. А. Павлова	Идеал человека в произведениях Джерарда Уинстэнли	145
И. Н. Осинковский	«Утопия» Томаса Мора в Англии XVII в.	163
Л. С. Чиколини	«Рассказ о собственных книгах» Кампанеллы	190
В. М. Володарский	Социальная утопия Теофраста Парцельса	211
ПУБЛИКАЦИИ		
Е. М. Кожокин	Из истории утопического социализма во Франции в 30—40-е годы XIX в. Вступ. ст., публ. и пер. с фр.	234
В. Д. Балакин	Из социальной утопии Иоганна Валентина Андреэ Вступ. ст., публ., пер. с латин. и коммент. Комментарии	249 267

Итальянские умеренные
и французский утопический
социализм и коммунизм
(30—40-е годы XIX в.)

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Отношение итальянских умеренных¹ к утопическому социализму и коммунизму в 30—40-е годы XIX в. в итальянской историографии изучено недостаточно², в советской не исследовано вовсе. Между тем в эти десятилетия выработывалась и шлифовалась программа и тактика умеренных. И в то же время в их книгах, статьях, устных выступлениях и письмах тема антисоциализма и антикоммунизма звучала все настойчивей и громче.

В настоящей статье речь пойдет об отношении умеренных к французскому утопическому социализму и коммунизму не потому, что в Италии в 30—40-е годы XIX в. не было своей утопической литературы. Она была, и автор оставляет за собой право написать о ней отдельно. И все же основным источником идей социализма и коммунизма в те годы была для Италии Франция. И именно на французский утопический социализм и коммунизм помещики и буржуа Италии (как, впрочем, и большинства стран Европы) реагировали опять-таки особенно остро.

Конечно, эта острота восприятия возникла не сразу. В начале 30-х годов итальянские умеренные, в большинстве своем люди европейски образованные, подолгу живавшие в Англии и Франции,

¹ Умеренными либералами (кратко: умеренными) называли во второй трети XIX в. правое крыло итальянского национально-освободительного лагеря, выражавшее интересы крупных обуржуазившихся помещиков и крупной, в основном сельскохозяйственной, буржуазии. Отрицая революционные методы борьбы, умеренные стремились разрешить стоявшие перед страной задачи (в первую очередь достижение национальной независимости и объединения Италии без революции в тесном союзе между народом (они говорили народами) Италии и их государями). Они рассчитывали также использовать благоприятные международные обстоятельства, если и когда те возникнут. О том, как конкретно намеревались умеренные добиться объединения полуострова, см. подробнее: Ковальская М. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М., 1981.

² Вопрос был поставлен Г. Манакордой еще в 1939 г. (см.: Manacorda G. Lo spettro del comunismo nel Risorgimento.— In: Manacorda G. Rivoluzione borghese e socialismo: Studi e saggi. Torino, 1939). И до и после этого отдельные экскурсы в интересующую нас тему не раз делались авторами, писавшими на смежные темы. Сколько-нибудь цельной разработки вопроса об антисоциализме и антикоммунизме умеренных в итальянской историографии нет и по сей день.

еще считали социализм и коммунизм неопасными и даже «интересными».

Весной 1832 г. молодой Марко Мингетти (ему предстояло сыграть видную роль в стане умеренных в 50-х годах XIX в.) приехал в Париж. Знакомясь с «раритетами» французской столицы, он попросил сводить его на заседание сенсимонистской «церкви». «О них (о сенсимонистах.— К. К.) так много говорили, по-разному их оценивая,— вспомнил он десятилетия спустя,— у меня они вызвали такое любопытство, что я захотел познакомиться с их учением и отправился покупать их портреты»³.

Конечно, люди более опытные или более прозорливые уже тогда понимали, что социализм — это не просто очередная мода. Камилло Кавур уже в 1835 г. писал из Парижа, что «доктрины абсолютного равенства и социальной перестройки общества... в отдаленном будущем могут стать опасными»⁴. Правда, он тогда еще связывал эти доктрины с левыми республиканцами. В том же году лидер тосканских умеренных Дж. Каппони, описывая срыв собрания сенсимонистов парижской полицией («четыре жандармов оказалось достаточно, чтобы их разогнать»), замечал, что «некоторые идеи сенсимонистов оживут однажды, когда примут менее абсурдный характер». Поэтому он признавал тщательно изучать их книги⁵.

В конце 30-х — начале 40-х годов среди передовых французских рабочих и части французской мелкобуржуазной демократии начали широко распространяться идеи утопического коммунизма. И теперь уже в Италии многие политические деятели воспринимали эти идеи в тесной связи с рабочим (тогда говорили — социальным) вопросом, т. е. с вопросом о нуждах и страданиях промышленного пролетариата, о его требованиях, его ненависти к фабрикантам и, конечно, о той угрозе для предпринимателей, какую таили в себе эти требования. Социальный вопрос уже не один год дебатировался в западноевропейских газетах, журналах, ученых трудах.

В экономически отсталых, еще не вступивших в стадию промышленного переворота⁶ мелких государствах, на какие был раздроблен Апеннинский полуостров, этот вопрос еще не вставал. Однако было уже ясно, что с дальнейшим ходом промышленного развития он станет актуальным и для Италии.

Т. Мамиани едва ли не первый из умеренных заговорил об этом в печати. Поэт и философ, бывший карбонарий и участник революции 1831 г. в Центральной Италии, он после разгрома революции австрийцами перешел на позиции умеренных. Живя в 30-е годы в изгнании в Париже, он мог вплотную наблюдать развивавшиеся

³ *Minghetti M.* I miei ricordi. Torino, 1888, vol. 1. 1818—1848, p. 32.

⁴ *Cavour C.* Epistolario. Bologna, 1962, vol. 1, p. 202.

⁵ *Lettere di G. Capponi e di altri a lui.* Firenze, 1882, vol. 1, p. 387. Это — в частном письме. А в лекции, прочитанной им год спустя, Каппони высмеивал экономические взгляды сенсимонистов и, точно в противовес им, усиленно подчеркивал святость частной собственности вообще, а на землю в особенности. См.: *Capponi G.* Scritti editi ed inediti. Firenze, 1877, vol. 1, p. 414—418.

⁶ Он начался на полуострове, да и то лишь в Ломбардии и Пьемонте в середине 40-х годов XIX в.

во французском обществе процессы. Посещал он, в частности, и собрания сенсимонистов⁷. Не став социалистом, Мамиани, подобно остальным итальянским умеренным, был буржуазным реформатором и филантропом. Но он все же раньше и глубже многих своих единомышленников понял значение вопросов, волновавших социалистов, и пытался спорить с ними, говоря на их «языке».

В 1839 г. он опубликовал статью «Наше мнение о положении в Италии»⁸. В ней наряду с другими вопросами он рассматривал «узел новых социальных проблем, разрешение которых как философам, так и простонародию кажется туманным и далеким». «Это верно,— писал Мамиани,— что французские пролетарии всю свою жизнь страдают и сетуют на малую заботу о них... Верно и то, что они многочисленны и мужественны, а те, что в Париже и Лионе, невероятно смелы, горячи и презирают смерть»⁹. Все же Мамиани считал, что рабочие, не имея ни дисциплины, ни руководства, ни четко обозначенной цели, не способны совершить «глубокую и длительную» революцию. Они в состоянии лишь поднимать восстания¹⁰.

Италии же, утверждал он, рабочие волнения не грозят вовсе... «В других странах плебс, лучше зная свои права, чем обязанности, вызывает серьезные опасения. Но итальянцы не должны опасаться бедных плебеев... если только они правильно поймут их благородный нрав»¹¹. И Мамиани обещал своим читателям, «отбросив прочь утопии социалистов», наметить «путь, идя которым, наш век может возродить низшие классы»¹². За этим обещанием следовал перечень буржуазных реформ: отмена пошлин и налогов, падающих на бедноту, пересмотр — в интересах трудящихся, но «в границах справедливого» — законов о договорах между землевладельцем и колоном, фабрикантом и рабочим и т. п. Особо рекомендовалось усилить и расширить благотворительность — государственную, общественную, частную: открывать новые госпитали, детские приюты, убежища для инвалидов и т. п.

Наиболее интересна включенная в статью «Хартия прав и обя-

⁷ *Treves R.* La dottrina sansimoniana nel pensiero italiano del Risorgimento. Torino, 1973, p. 20.

⁸ *Mamiani T.* Nostro parere intorno alle cose italiane.— In: Mamiani T. Scritti politici. Firenze, 1853, p. 5—46.

⁹ *Ibid.*, p. 11.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Ibid.*, p. 31—32.

¹² *Ibid.*, p. 32. Отражая экономическую отсталость страны и общую нечеткость представлений итальянских буржуа и помещиков 30—40-х годов XIX в. о классовом строении общества, терминология умеренных, когда речь заходила о социальных явлениях и понятиях, была нестра и неустойчива. Слова «капитализм», «буржуазия», «пролетариат», как правило, не употребляли. Говорили о «зажиточных», «образованных» классах, о классе собственников. Под народом понимали то «низшие» или даже «самые низшие классы», то всю нацию. Рабочих и крестьян называли плебсом, простонародием, иногда средневековым термином «popolo minuto» (мелкий, тощий люд), а иногда и попросту черпью. У одного и того же автора на одной и той же странице можно найти подчас чуть ли не весь этот «набор» терминов.

занностей» народа. В ней утверждались *обязанность* работника быть скромным в желаньях, дисциплинированным и послушным и его *право* — получить образование, которое позволит ему при отсутствии материальных благ «довольствоваться семейными радостями и радостями дружбы» и т. д. и т. п. Заметим, однако, что, кроме предложений о проведении буржуазных реформ и елейно-либеральной фразеологии, в статье содержались и некоторые весьма популярные в те годы среди утопических социалистов положения, такие, как право на труд (Маммани формулировал его как право рабочих зарабатывать свое каждодневное пропитание, не боясь безработицы и «без излишних терзаний души и тела»). В статье было обращено к итальянским правительствам требование открыть «общественные мастерские» для безработных.

Подхватывая отдельные требования утопического социализма, Маммани в то же время подчеркивал, что для их осуществления нет надобности ниспровергать существующий социальный уклад, не обязательно даже учреждать республику. Нужны лишь добрая воля и рвение высших классов, которым следует помнить, что они «богом и природой созданы покровителями и опекунами бедноты»¹³. «Будьте отцами своих крестьян, — взывал Маммани к итальянским помещикам, — помогайте им в голодные годы... не избегайте частых встреч и бесед с ними... Если они идут в церковь молиться — молитесь вместе с ними»¹⁴.

В результате требования утопических социалистов в интерпретации Маммани теряли социалистическую окраску и представляли перед читателями в виде даже не буржуазно-демократических требований, какими они по сути были, а в виде буржуазно-либеральных.

В 40-х годах внимание лидеров умеренных к социальному вопросу и идеям социализма и коммунизма возрастает. Об этом свидетельствуют работы Ч. Бальбо и В. Джоберти, написанные в начале и середине десятилетия.

Из всех лидеров умеренных Ч. Бальбо — историк и политический деятель — был настроен наиболее антиреволюционно и антинародно. О социализме и коммунизме он отзывался с подчеркнутым пренебрежением: «Редкие ряды этих бедных сенсимонистов и фурьеристов! Говорить о них значило бы заставлять читателя даром тратить время»¹⁵. Порой, срываясь чуть ли не на открытую брань, он писал о «социализмах и коммунизмах» как о «варварских идеях, выраженных в варварских словах»¹⁶. И все же «варварские идеи» смущали его. Он искал «противоядие» от них и от социального вопроса в целом и приходил к выводу: «христианское милосердие (т. е. благотворительность. — К. К.) — вот предпосылка максимального сближения классов и возможное разрешение больших экономических проблем»¹⁷.

В. Джоберти, бывший капеллан королевской церкви в Турине, высланный из Пьемонта в начале 30-х годов за близость к «Молодой Италии», был человеком иного, чем Бальбо, склада. Его сочувствие страданиям народных масс неподдельно. Конечно, и у него встречаются замечания о «безумствах сенсимонистов» (философские взгляды которых тем не менее оказали на него известное влияние)¹⁸. Но в работах Джоберти 40-х годов мы находим также и строки в защиту коммунизма, на что вряд ли кто из еще умеренных был способен.

«Коммунисты, — писал Джоберти в 1845 г., полемизируя с иезуитом Курчи, — при всем своем безрассудстве, достойном, конечно, самого сурового осуждения, не являются все же врагами всякого порядка и присяжными ненавистниками всякой религии» и «не ставят себе целью превратить человека в животное»¹⁹.

«Большая часть нужды, угнетающей трудящиеся классы, — пишет Джоберти в своей знаменитой работе «О духовном и гражданском первенстве итальянцев», — результат невежества и плохих законов о труде и распределении собственности. То, что многие сегодня говорят в связи с двумя этими вопросами, не все золото, но среди ошибок и химер встречаются и разумные мысли». Чтобы «морально улучшить людей из низших классов, надо сделать их жизнь более терпимой, выполняя по отношению к ним долг сострадания и благотворительности»²⁰.

Другой умеренный, старший брат Камилло Кавура Густаво, выступил в печати со статьей, озаглавленной «Об идеях коммунизма и о том, как бороться с их распространением»²¹. Коммунизм и социализм, писал Г. Кавур, ставят перед нами «огромной трудности моральную проблему: из какого разумного принципа должны мы исходить в случае конфликта между правом собственности... и естественным правом всякого человека на жизнь»²².

Он был сыном своего класса, своей среды и ему потребовалась, вероятно, определенная смелость, чтобы признать, что всякое право относительно, но право на жизнь — пусть даже только «в некоторых случаях и в определенных границах» — является «высшим правом личности». Это «право высшего порядка», и право собственности «должно отступить перед ним на второй план»²³. Однако, признав это теоретически, Г. Кавур в растерянности остановился перед практическими выводами, которые следовали из такого признания. Имеет ли право голодающий бенгалец похитить блюдо с едой со стола, на котором сервирован завтрак английского офицера? А если имеет, то как установить здесь предел дозволенного? Надо

¹⁸ Treves R. Op. cit., p. 15, 29, 51, 62, 63, 84, 85, 94 etc.

¹⁹ Gioberti V. Il gesuita moderno. Losanna, 1848, vol. 1, p. 362.

²⁰ Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani: Vol. 1, 2. Capalago, 1846, vol. 2, p. 144.

²¹ Cavour G. Des idées communistes et des moyens d'en combattre le développement. — In: Bibliothèque universelle de Genève... 4e série 1er année, 1846. Genève, 1846, p. 5—39.

²² Cavour G. Des idées communistes..., p. 9.

²³ Ibid., p. 25, 26, 32.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., p. 19—20.

¹⁵ Balbo C. Delle speranze d'Italia. Capalago, 1844, p. 123—124.

¹⁶ Цит. по: Salvatorelli L. Il pensiero politico italiano. Torino, 1949, p. 288

¹⁷ Balbo C. Delle speranze..., p. 295.

ли посадить на урезанный рацион всех англичан в Бенгалии? Но ведь тогда никто из них не захочет служить в этой стране! И если «с точки зрения индивидуальной и субъективной всякий просвещенный человек оправдает бенгальца, то, став судьей и оценивая события с точки зрения общества, он должен будет оправдать офицера, защищающего свой шкафчик с провизией, даже и проломив, если потребуется, череп голодному грабителю»²⁴.

И Г. Кавур, точно забыв собственные слова о праве на жизнь, как о праве высшего порядка, множит примеры столкновений «двух прав»: крестьянин, который, несмотря на запрет феодала, убил зайца, чтобы накормить свою голодную семью, замерзающий человек, присвоивший старое пальто богача, и т. п. И еще долго stalkивает он доводы и контрдоводы, пока не приходит наконец к выводу, что до тех пор, пока человеческое общество не будет полностью перестроено и пока в нем существуют богатые и бедные, столкновения между правом собственности и правом на жизнь неизбежны. Надо лишь стараться ослабить и сделать более редкими «эти ужасные коллизии... в ходе которых собственность теряет свой священный характер бесспорного закона и предстает всего лишь как факт, гарантированный материальной силой»²⁵.

Установив это, автор сравнительно быстро выходит на «финишную прямую» и декларирует, что распространению коммунистических идей способствует взаимная отчужденность «классов людей, живущих в достатке, и тех, кто в поте лица зарабатывает свой хлеб». Они редко встречаются и беседуют друг с другом — хозяин и его работник. Глухая вражда, возникающая между ними, способствует проникновению в народные массы коммунизма. Борьбаться с этим надо посредством благотворительности и сближения классов: «Богач, привыкший протягивать беднякам руку помощи и смотреть на себя как на их покровителя, не увидит в них презренных варваров, которых надо опасаться... А бедняк, ощутивший доброжелательность богатых и нашедший в них в минуту крайней нужды второе провидение, не отвергнет их покровительства и не будет негодовать, видя, что богатые пользуются благополучием, которое он не может с ними разделить»²⁶.

Так, очень разные люди — но все умеренные! — идя различными путями, пришли к общему выводу о необходимости благотворительности — государственной, общественной, частной — как лучшего (или одного из лучших) средства борьбы с идеями коммунизма и социализма.

К сторонникам подобного метода борьбы с «крамольными идеями» социализма и коммунизма мы можем причислить и молодого Камилло Кавура. Известно, что еще в 30-е годы он живо интересовался и рабочим вопросом в Англии и Франции, и благотворитель-

ностью как средством разрешения этого вопроса²⁷. В обществе, «каким его стремится создать ход вещей, — писал он в 1836 г., — связь, порождаемая благотворительностью... будет, возможно, единственной связью, объединяющей людей разных классов». И пояснял: «Без благотворительности несчастные классы не подчинились бы мирно своей судьбе»²⁸. А о статье своего брата К. Кавур в 1846 г. писал, что, если только братская привязанность его не ослепляет, статья эта содержит «идеи глубокие и новые»²⁹.

* * *

Нам уже случилось говорить об удручающем впечатлении, какое произвела февральская революция во Франции на итальянских помещиков и буржуа³⁰. Они восприняли ее как победу одних только рабочих («плебса»). А в декретах о праве на труд и создании национальных мастерских (изданных Временным правительством Франции под нажимом рабочих) увидели начало осуществления социализма. И ими овладел страх. К. Кавур четко выразил их общие думы и чувства. «Это не угроза республики и демократии пугает нас... — писал он 6 марта 1848 г. в «Рисорджименто». — Это призрак коммунизма наполняет наши души сомнениями и подозрениями». Это «широко распространенное опасение, что нынешняя революция во Франции не только установит новые политические порядки, но приведет также к переменам в социальном строе»³¹.

Уже в первой половине марта 1848 г. Кавур и Маммани выступили в печати с развернутой критикой социализма и коммунизма. Статья Маммани³² была типичным образцом либерального лавирования. Мы видели — он и в 1839 г. не отвергал требований права на труд и создания национальных мастерских, но истолковывал их либерально. Он не выступал против них открыто и теперь, но только обуславливал возможность их реализации такими оговорками, которые уничтожали всякое социалистическое содержание этих мер.

Конечно, писал он, «рабочий, который хочет трудиться, не должен оставаться без средств для жизни. Иметь их — его право, столь неоспоримое, что когда видишь обратное, душа исполняется

²⁷ Он тщательно изучал постановку благотворительности в Англии, Франции, Бельгии, Швейцарии и, естественно, в Пьемонте (*Cavour C. Tutti gli scritti*. Torino, 1976, vol. 2, p. 543. 548—549, 583). О том, что Кавур живо интересовался положением рабочих в промышленно-передовых странах, можно судить хотя бы по вопроснику, который он составил в 1836 г. в Париже. Мы находим в нем вопросы о зарплатке французских рабочих и ремесленников, о том, как они питаются, стремятся ли учить своих детей, много ли у них обществ взаимопомощи, как относятся к этим обществам хозяева, одинаково ли моральное состояние рабочих, занятых на больших мануфактурах и в маленьких мастерских, и т. п. См.: *Ibid.*, p. 526—527.

²⁸ *Cavour C. Epistolario*, vol. 1, p. 253.

²⁹ *Ibid.* Bologna, 1973, vol. 3, p. 278.

³⁰ См.: *Кирова К. Э. Французские революции (1789—1848) и итальянские умеренные (1830—1860)*. — В кн.: *Французский ежегодник*, 1982. М., 1984, с. 62—65.

³¹ *Cavour C. Tutti gli scritti*. Torino, 1976, vol. 3, p. 111.

³² *Mamiani T. Lettera ad A. Croco intorno agli ultimi casi di Francia*. — *Mamiani T. Scritti politici*, p. 235—262.

²⁴ *Ibid.*, p. 12.

²⁵ *Ibid.*, p. 33.

²⁶ *Ibid.*, p. 37.

негодованием». Но трудности, неизбежные при попытке удовлетворить права и требования рабочих, «огромны и ужасны». Да и вообще «когда на одной стороне капитал и талант», а на другой — «только руки», то «никакой закон, никакие средства не смогут устроить антагонизм между ними». И вслед за этим восклицал: «Да будет угодно богу уничтожить противоречия в человеческом обществе. Однако бывают антагонизмы необходимые и неустрашимые, коренящиеся в самой сущности человека. Да и что за жизнь без контрастов! Кажется, устрани их — и прекратится всякое развитие!»³³. Вытекающий из этих рассуждений вывод о «вечности» и «плодотворности» классовых противоречий (а значит, и классовой эксплуатации) читателю представлялось сделать самому. Автор подводил его к этому выводу вплотную.

В марте 1848 г. Мамиани не выступал открыто и против национальных мастерских, декрет о создании которых «столь поспешно» (как он пишет) издан во Франции. Но если у Луи Блана (с чьим именем связано создание национальных мастерских во Франции) эти последние должны конкурировать с частными предприятиями. Постепенно их вытесняя, то у Мамиани национальные мастерские рассчитаны лишь на тех, кто не может получить работу на частных предприятиях. При этом не следует платить рабочим больше, чем платят частные предприниматели, и вообще такие мастерские ни в чем не должны стеснять работу частной промышленности. Они являются как бы «добавлением» к ней и получают от нее «свои границы и меру»³⁴.

Наш автор озабочен, однако, не только «социалистическими» декретами Временного правительства Франции. Коммунисты, как он уверяет, его не страшат. Их призывы к общности имущества не вытекают из всей предшествующей истории человечества и не соответствуют «внутренней сущности вещей». Они не смогут повести за собой французских рабочих!³⁵ Что касается социалистов, то в их книгах много слов, но мало содержания. Они рисуют «живые картины страданий плебеев», но указывают ли они простолюдинам «прямой и мирный путь от бедности к зажиточности, от страданий к благоденствию»? Нет, они либо вовсе молчат об этом пути, либо предлагают «такое возмездие и такое сведение счетов, в возможность которых не верят и сами»³⁶. «Я убежден, — продолжает Мамиани, — что, хотя среди членов Временного правительства и есть философы-социалисты, им не придет в голову проводить в жизнь странную теорию организации труда, о которой столько твердит их печать», и реализовать «утопии сенсимонизма и республики Икаррия»³⁷. И все же Мамиани не может скрыть тревоги. Как и всякого либерала, его тревожат массы.

«Во Франции все становится достоянием простонародия... громкие слова — право на труд, организация труда — не адресованы глухим. *Popolo minuto* их подхватывает и делает своими»³⁸. Народ потребует исполнения обещаний, и тогда для Франции начнется новая полоса рабочих волнений и восстаний! Временное правительство может избежать их лишь немедленно запылавшись перевоспитанием масс, поучает Мамиани.

Но он предвидит для Франции и международные осложнения. Следуя схеме, по которой развивались события в конце XVIII в., он пишет, что не может существовать «в такой большой и такой влиятельной стране, как Франция, правительство, по самой природе своей столь привлекательное, столь дорогое простолюдинам и вызывающее их зависть»³⁹ без того, чтобы правительства других стран не пошли на него войной.

Но, конечно, больше всего его тревожит возможное влияние французских событий на его родину. «Нельзя также рассчитывать, — осторожно пишет он, — что пынешняя революция во Франции не закинёт мрачные семена раздора и в Италию. Ныне скрытые и бездейственные, они не теряют все же возможность прорасти»⁴⁰. Вот в этом последнем замечании и заключается основной «перв» статьи.

К. Кавур в марте 1848 г. посвятил анализу идей социализма и коммунизма две статьи. «Я не претендую на то, чтобы решить великую проблему организации труда. Я убежден, что это решение скрыто в тайнах будущего, — писал он в частном письме о задаче, которую ставил перед собой в этих статьях. — Но я думаю, что можно уже сейчас определить направление, каким надо следовать, чтобы прийти к этому решению»⁴¹.

Дорога, которую он искал, не должна была, однако, вести за пределы капиталистического общества, а его анализ идей социализма и коммунизма имел задачей доказать их экономическую несостоятельность.

Первая статья, опубликованная 11 марта, была посвящена распределению богатства, произведенного в сельском хозяйстве и промышленности, между наемателями и работниками⁴².

Ход рассуждений Кавура сводится к следующему: социалисты, стремясь уничтожить нужду, хотят изменить самый принцип распределения богатств и готовы уравнивать доли рабочих и владельцев земли, капиталов, машин. Но благосостояние народа зависит не только от распределения, но и от производства богатства. Последнее должно расти в соответствии с ростом населения и нуждается в постоянном притоке новых капиталов. Капиталы же возникают в результате личных сбережений предпринимателя, тех жертв, на

³³ Ibid., p. 241.

³⁴ Ibid., p. 246—247.

³⁵ Ibid., p. 243.

³⁶ Ibid., p. 249.

³⁷ Ibid., p. 243.

³⁸ Ibid., p. 244.

³⁹ Ibid., p. 252.

⁴⁰ Ibid., p. 258.

⁴¹ *Cavour C. Epistolario*. Bologna, 1980, vol. 5, p. 125.

⁴² *Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1147—1121.

какие он и его семья идут, ограничивая ради будущих благ свое потребление.

Подобное «объяснение» происхождения капитала, весьма удобное для капиталистов, не было личным изобретением Кавура. «Теория воздержания» — детище вульгарной политической экономии 30—40-х годов XIX в. К. Маркс высмеял эту теорию, написав, что, согласно ей, «мир живет лишь благодаря самоистязаниям капиталиста», который «грабит свою собственную плоть, когда „суждает“... рабочему орудия производства»⁴³.

Кавур объявлял эту теорию «непреложной истиной» и утверждал, что только она может служить четким критерием для решения вопроса о распределении богатства. И он действительно делал из «теории воздержания» нужный ему вывод о том, что «всякое покушение на право собственности предпринимателя, всякое, даже самое мелкое, ограничение этого права окажется вредным для общества»⁴⁴. Предприниматели не захотят более приносить жертвы во имя создания новых капиталов. Приток последних в сельское хозяйство, промышленность прекратится. Экономическая жизнь страны захреет. И «если бы даже удалось без социальных потрясений и революций заменить нынешний способ распределения богатств другим, более совершенным, но нарушающим принцип частной собственности... то эта замена оказалась бы в конце концов вредна не только для богатых, но и для бедных. Возможно, равенство (экономическое.— *К. К.*) и было бы достигнуто, но это было бы равенство нужды»⁴⁵.

Кавур знал, однако, что «некоторые социалисты», по крайней мере те из них, кто, как он писал, «хочет привести свою декламацию в стройную систему», считают, что в будущем создании новых капиталов займется государство. Оно будет изымать у предпринимателей львиную долю прибылей и направлять их в промышленность и сельское хозяйство. Они, эти социалисты, писал он, полагают также, что государство будет непосредственно вмешиваться и в другие операции промышленности, сельского хозяйства, торговли.

Подобная перспектива вызывала нескрываемое раздражение Кавура. «Это абсурдно и смешно, как абсурдны и смешны были и остаются все ученики Сен-Симона и Фурье! — восклицает он. — Эти странные теории нарушают свободу личности! Они дают обществу неограниченную власть и превращают человека в автомат! Мы не думаем, что их можно осуществить!» И снова, как некий рефрен (а точнее, как лейтмотив) статьи: «Всякий поступок, всякое действие, хотя и направленное к благой цели, если оно хоть в малейшей степени нарушает право собственности, может привести лишь к самым мрачным последствиям».

Вторая статья Кавура была опубликована 17 марта и посвящена проблеме организации труда⁴⁶. В ней он ставил перед читателем

три вопроса: должно ли правительство обеспечивать работой всех желающих, может ли правительство справедливо и с пользой для дела вмешиваться в отношения рабочих с предпринимателем, можно ли установить на новых принципах и более справедливой основе распределение богатств между капиталистом и рабочим, дав рабочему право участия в прибылях. «Ответив на эти три важнейших вопроса,— пишет Кавур,— мы преодолеем, хотя бы частично, трудности животрепещущей проблемы организации труда».

Понимать право на труд как право на работу по специальности — приступает он к ответу на первый вопрос — значило бы прийти к абсурду, ибо в этом случае производство отдельных отраслей промышленности регулировалось бы не спросом на товары, а наличием рабочих рук! Правда, более умеренные социалисты согласились бы, вероятно, чтобы государственные мастерские давали работу безработным лишь на время кризиса. Но тогда в остальное время эти мастерские стали бы простаивать и приносить убытки. И не будет ли для правительства в этом случае выгоднее выплачивать безработным пособие?

Сведя, таким образом, право на труд к праву на пособие, Кавур получает возможность поставить знак равенства между правом на труд (он, правда, оговаривается: «в его урезанном виде») и государственной благотворительностью, которая «одна только и может, отняв у коммунизма его самые сильные аргументы... спасти общество от бед, которые ему угрожают»⁴⁷.

Кавур не собирался закончить на этом свой анализ идей социализма и коммунизма. Направление, которым следовало идти, разрешая проблему организации труда, им не было найдено, да и ответил он лишь на один из трех вопросов, которые объявил важнейшими. Но жизнь перехлестнула его замыслы. В Италии все ярче разгоралась национально-освободительная, антифеодалная революция. Умеренным не удалось удержать события в рамках мирной борьбы за реформы. Вспыхнуло и победило народное восстание в Милане. Началась война с Австрией. «Я стал было рассматривать в моей газете вопрос о коммунизме. Война вынуждает меня оставить эту работу. Сейчас никто не обратит внимания на мой экономический труд», — писал он одному из своих корреспондентов⁴⁸.

Но дело было не только в войне. Противоречия между пролетариатом и буржуазией во Франции обострились все сильнее, и по мере того, как это происходило, Кавуру становилось все труднее выдерживать внешне спокойный, объективный тон изложения. Статьи о французской революции, опубликованные им в апреле — июне 1848 г., заполнены все более злобными выпадами против социалистов и их намерения создать во Франции правительство, которое «грабит состоятельные и богатые классы» и «установит в Париже царство социального равенства... террор и гильотину»⁴⁹.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 611.

⁴⁴ Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 3, p. 1119.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid., p. 1122—1126.

⁴⁷ Ibid., p. 1125.

⁴⁸ Cavour C. Epistolario, vol. 5, p. 125.

⁴⁹ Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 3, p. 1233.

Весной и летом 1848 г. тема «социального характера» французских событий и возможного влияния их на Италию неоднократно повторялась, варьировалась, развивалась в частной переписке, устных выступлениях и статьях итальянских умеренных. Делалось это отчасти под влиянием статей Кавура и Маммиани и в значительной степени по «подсказке» окружающей действительности. Взывая к христианскому милосердию и христианской благотворительности, умеренные указывали, что людей из народа надо учить «умеренности и послушанию»⁵⁰. Они много и горько жаловались, что «времена трудны», «политические реформы во Франции связаны (и даже излишне крепко) с идеями социальных реформ»⁵¹, мрачно предсказали, что, если не будет найден «упорядоченный способ перераспределения личного и общественного богатства, простолюдины перераспределят его сами, беспорядочно и силой»⁵². Некоторые и вовсе заявляли, что «пропасть... разверзшуюся в Париже, заполнить ничем нельзя»⁵³.

«Есть вопрос, который встает сегодня во всех странах Европы,— заявил на заседании ассамблеи Папского государства один из умеренных депутатов,— это вопрос о социальных реформах, которые должны преградить путь революции... Страна, с которой мы соседствуем (Франция.— *К. К.*), не удосужилась за 32 года конституционного правления заняться положением мелкого люда. Социальная революция в этой стране... показала, какую ошибку совершили ее правители, позабыв о низших классах. В Италии низшие классы также взывают о помощи, и положение их властно требует реформ, если только мы не хотим быть свергнуты вместе со всей остальной Европой в самую роковую и самую страшную из всех революций»⁵⁴. «Общественное движение в Европе пошло по новому пути,— подхватил эти слова другой депутат, то же умеренный.— Оно теряет свой политический характер и становится социальным. Такое (социальное.— *К. К.*) движение уже налицо в Англии. Оно стремительно развивается во Франции... И мы не можем с уверенностью сказать, что следов его нет у нас. И перечислив спешно необходимые, по его мнению, реформы (бесплатное образование для людей из народа, создание сети кредитных учреждений, кото-

рые помогли бы «честному работнику» скопить небольшой капитал и подняться по общественной лестнице и т. п.), оратор заключал: «Это лучшее, что мы можем для них (людей из народа.— *К. К.*) сделать, если, конечно, не исходить из утопий, которые захлестнули и испортили общество соседней страны»⁵⁵. «У нас нет многочисленного класса рабочих, как в других странах, но у нас есть многочисленный класс крестьян»,— напомнил, выступая, третий⁵⁶.

Дискуссия по социальному вопросу, отражая настроения умеренных не в одной только Папской области, длилась в ассамблее Рима несколько дней. Ее участники порицали «близорукость» итальянских монархов, не заметивших вовремя класс, который может их свергнуть, и успокаивали себя тем, что Италия еще не находится в таком трудном положении, как Франция, и «нож еще не приставлен к ее горлу»⁵⁷.

Министр внутренних дел сформированного в период революции либерального правительства Папской области, знакомый нам Т. Маммиани, выступив в ассамблее, заявил, что идеи коммунизма не опасны для Италии, и под бурные аплодисменты аудитории сообщил о намерении папского правительства создать специальное министерство благотворительности и народного образования⁵⁸.

Надо сказать, это был излюбленный прием умеренных — успокаивать других и самих себя, доказывая «невозможность» в Италии того, чего они особенно опасались. Так они «доказывали» невозможность установления в Италии якобинской диктатуры (страх перед которой не оставлял их даже в 1848 г.), невозможность на полуострове революции «демократической», «республиканской», «социальной». Так уже после февраля 1848 г. некоторые умеренные пытались обосновать тезис о неопасности для Италии идей социализма и коммунизма. При этом они ссылались на здравый смысл итальянского народа, на его веру в вознаграждение на том свете и даже на... мягкий итальянский климат. «У нас... мало нужды, да и нужда, которая греется на солнышке, не так яростна, как нужда маисард»,— писал М. д'Адзелио⁵⁹, умеренный политический деятель и известный в Италии писатель.

В нестром ворохе доказательств было одно, к которому хотелось бы приглядеться внимательней. «Я утверждаю, не колеблясь,— писал еще в 1847 г. Дж. Каппони,— что нет никаких оснований опасаться коммунизма в Тоскане. Там, где добрая треть населения владеет собственностью, а другая треть (крестьяне.— *К. К.*) участвует во владении собственностью... там я не верю в возможность коммунизма»⁶⁰. «Эта язва — коммунизм...— подхватил мысль Каппони

⁵⁰ «Образование делает ненужными картечь и расстрелы», оно «экономит картечь»,— с присущим ему подчас цинизмом утверждал М. д'Адзелио (*Azeglio M. d' Scritti e discorsi politici. Firenze, 1936, vol. 2, p. 91—92*).

⁵¹ См.: *Le Assemblee del Risorgimento: Atti raccolti e pubblicati per deliberazione della camera dei deputati: In 15 Vol. Roma, 1911*. Цит.: *Toscana, vol. 3, p. 212*. Ассамблеи (парламенты) итальянских государств были созданы в конце весны — начале лета 1848 г. на основании конституции, формально «дарованных» итальянскими государями народу, а фактически вырванных у них народом (за исключением Сицилии, где ассамблея возникла в результате народного восстания). Подавляющее большинство мест в ассамблеях первоначально принадлежало умеренным.

⁵² *Minghetti M. Op. cit., p. 397*.

⁵³ *Le Assemblee... Toscana, vol. 1, p. 169*.

⁵⁴ *Le Assemblee... Roma, vol. 1, p. 118*.

⁵⁵ *Ibid., p. 159*.

⁵⁶ *Ibid., p. 157*.

⁵⁷ *Ibid., p. 161*.

⁵⁸ *Mamiani T. Scritti politici, p. 275—281*.

⁵⁹ *Azeglio M. d' L'Italie de 1847 a 1865: Correspondance politique, P., 1867, p. 47*.

⁶⁰ *Capponi G. Lettere di G. Capponi e di altri a lui. Firenze, 1883, vol. 2, p. 286*.

Итальянские крестьяне еще на исходе средневековья были обезземелены и превращены в нищих арендаторов и батраков. В Тоскане они арендовали

его ближайший соратник Б. Риказоли, — возникает в результате социального угнетения, которое не существует в Тоскане»⁶¹.

В 1848 г. единомышленники Каппони и Риказоли извлекли из этих высказываний все, что смогли. Они уверяли, что тосканские крестьяне, «разделяя урожай с хозяином, чувствуют себя наполовину землевладельцами», что меццадрия — это «почти собственность»⁶² и крестьяне Тосканы могут считать себя «почти совладельцами» помещиков. «Они наслаждаются теми же благами, что и собственники земли», и поэтому в Тоскане нет почвы, которую находят по ту сторону Альп» некоторые странные теории⁶³.

Так в обрисовке тосканских умеренных полуфеодалная испольщина превращалась «почти в собственность». А полуголодный испольщик, вынужденный отдавать помещику половину урожая, наслаждался, по их мнению, теми же благами, что и владелец земли⁶⁴.

Подобные камуфляжи не должны удивлять. В той или иной степени их практикуют либералы всех стран. Интересна надежда тосканских умеренных «спастись» от коммунизма, противопоставив ему капиталистические порядки и институты — в данном случае мелкую земельную собственность (под которую и гримировали полуфеодалную меццадрию). С этой надеждой мы еще встретимся.

Но даже и те, кто утверждал невозможность коммунизма в Италии, отнюдь не чувствовали себя в безопасности. «Что пользы от того, что в Италии нет причин для беспорядков, если идеи, возникшие в других странах, могут проникнуть в итальянские государства!» — восклицал один из умеренных той же Тосканы⁶⁵. А министр торговли и сельского хозяйства Папской области возносил «благодарение богу» за то, что в Италии нет предпосылок для возникновения опасных утопий, как во Франции, и тут же добавлял, что от этих утопий, «как от всякой заразной болезни», можно обезопаситься лишь «с неусыпным вниманием следя, не появились ли самые малые ее симптомы»⁶⁶.

помещичью землю на основании полуфеодалной испольщины (mezzadria).

Ее и имеет в виду Каппони, говоря об участии крестьян во владении землей.

⁶¹ *Ricasoli B. Lettere e documenti. Firenze, 1888, vol. 1, p. 136.*

⁶² *Le Assemblee. Toscana, vol. 1, p. 595.*

⁶³ *Ibid., vol. 3, p. 312.*

⁶⁴ О том, что это были за блага, мы узнаем из лекции самого Каппони, прочитанной им в 1834 г. в Тосканской академии. «Пища испольщика, — говорил он, — здоровая, хотя и скромная! Хлеб во многих провинциях выпекается из муки, в которой к ячменю, ржи, бобам и кукурузе примешано немного пшеницы. Кроме хлеба, основной продукт питания крестьян составляют бобы. Вина крестьяне пьют мало. Мясо более зажиточные из них покупают раз в неделю. Остальные довольствуются куском солонины. На праздники обычно покупают вместо мяса сушеную треску: она дешевле, и ее можно за меньшие деньги приобрести больше...» «Так что, — утверждал Каппони, — половины урожая может им хватить» (*Capponi G. Scritti editi ed inediti, vol. 1, p. 395*). Стоит добавить, что договор с «совладельцем» заключался всего на год и это давало помещику чуть ли не феодальную власть над крестьянами. Тот же Каппони рассказывает, что, регулируя число людей в поместьи, помещик, случалось, запрещал испольщику жениться. См.: *Ibid., p. 399.*

⁶⁵ *Le Assemblee... Toscana, vol. 3, p. 212.*

⁶⁶ *Le Assemblee... Roma, vol. 1, p. 287.*

Большинство же итальянских буржуа и помещиков, не веря успокоительным заверениям лидеров, пребывали в неизбывном страхе. В Южной Италии этот страх переходил в панику. Здесь отряды крестьян, вооруженные пиками, мотыгами, старинными аркебузами, весной и летом 1848 г. захватывали и делили помещичьи владения. Помещики в ужасе писали своим родным об убытках, какие чинят им «эти разбойники-коммунисты»⁶⁷, и обращались к палате депутатов с истерическими призывами «наложить узду» на нарушения права собственности, происходящие «под воздействием мятежных идей коммунизма»⁶⁸.

Но и в тех частях полуострова, где социальные противоречия не были так обострены, как на Юге, перепуганные собственники видели коммунизм в любом проявлении недовольства народных масс: в Ломбардии — в волнениях колоннов провинции Брианца, требующих уменьшить непомерную арендную плату, которую взимали с них землевладельцы⁶⁹; в Пьемонте — в забастовке типографских рабочих Генуи, одной из первых, если не первой, забастовке в королевстве⁷⁰.

И даже в герцогстве Тосканском, которому, по заверениям умеренных, коммунизм не угрожал, страх перед его тенью побуждал либеральных деятелей подчас отказываться от антифеодалных реформ. Так было, в частности, когда ассамблея Тосканы обсуждала вопрос об отмене арендной платы за обрабатываемые крестьянами церковные земли. «Вы знаете, господа, — заявил тогда один из депутатов, — что в стране, Италии соседней, на частную собственность — этот священный оплот свободной и упорядоченной жизни — ныне клеветчат в книгах, поднимают против нее, хотя и безуспешно, яростные восстания (намек на июньские бои 1848 г. — *К. К.*). Это обязывает нас остерегаться всего, что может хотя бы отдаленно напоминать посягательство на законно приобретенную собственность. Я прекрасно понимаю, — продолжал оратор, — что существует различие между собственностью частных лиц и собственностью церкви, но софизмы социалистов... могут навести на мысль, что мы, покушаясь на церковные земли, считаем возможным ликвидировать собственность вообще»⁷¹. В решении, принятом ассамблей, говорилось, что «собственность церкви должно уважать» и что сейчас «не

⁶⁷ *A. Poerio in Venezia. Lettere e documenti del 1848. Napoli, 1934, p. 107.*

⁶⁸ *Le Assemblee... Napoli, vol. 1, p. 321.* Этот же страх перед «призраком коммунизма» побудил барона Вентуру заявить в ассамблее Сицилии, что от закона об избирательном праве, который обсуждала в те дни ассамблея, — закона весьма умеренного, ибо по нему права голоса лишились все неграмотные, т. е. основная масса городской бедноты и крестьянства, — ведет «прямой путь к коммунизму». «Вы призываете в парламент сапожника, пролетария, крестьянина... Подумайте, господа, что произойдет, если на наше несчастье, самый низший, самый пуждающийся класс народа поймет, что может дать ему право голоса. Они проведут в палату таких же бедняков, как они сами. Волнения станут неизбежны. Социальный уклад будет опрокинут» (*Le Assemblee... Sicilia, vol. 1, p. 930—931*).

⁶⁹ *G. Casati — C. Castagnetto Carteggio. Milano, 1909, p. 99.*

⁷⁰ *Gioberti V. Carteggi. Roma, 1935, vol. 2, p. 163.*

⁷¹ *Le Assemblee... Toscana, vol. 1, p. 220.*

подходящий момент для отмены арендной платы за церковные земли»⁷².

Схожие речи раздались и в Риме на заседании парламентской комиссии, обсуждавшей вопрос даже не о ликвидации майоратов, а всего лишь о некоторых льготах младшим сыновьям владельца имения. Раздел больших родовых поместий, утверждали некоторые члены комиссии, был бы полезен для экономического развития нашего государства, но он был бы несправедлив, как несправедлив и абсурден сам коммунизм.

Вопрос был вынесен на пленарное заседание ассамблеи. И один из депутатов, выступая в прениях, заявил, что меры в защиту младших сыновей были бы «произволом, попирающим право собственности». Они привели бы к «аграрному закону и ненавистному коммунизму»⁷³.

* * *

Поражение парижских рабочих в июньских боях 1848 г. не принесло умеренным спокойствия. Их лидеры по-своему поняли значение случившегося, и Кавур уже 30 июня писал в «Рисорджименто», что в июньские дни во французской столице «шла речь о спасении социального уклада от полного уничтожения, о том, чтобы сохранить неприкосновенными священные принципы семьи и собственности, которым угрожали социализм и анархия». Торжествуя, он поздравлял французскую «партию порядка» с победой, которая призвана «спасти современную цивилизацию от нового нашествия варваров»⁷⁴, т. е. рабочих.

⁷² Ibid., p. 224.

⁷³ Le Assemblée... Roma, vol. 2, p. 121, 138. Остерегаясь всего, что могло хоть в самой малой мере нарушить право собственности, умеренные в то же время усиленно утверждали это «священное право» с парламентской трибуны. Об этом свидетельствуют отчеты заседаний итальянских ассамблей 1848—1849 гг., содержащие классические для буржуа всех стран и народов восхваления частной собственности как основы, на которой зиждется человеческое общество (Le Assemblée... Sicilia, vol. 1, p. 938; Napoli, vol. 2, p. 96), а также попытки приукрасить частную собственность в глазах народа, объявив, что часть человечества владеет собственностью во имя всего человечества (Le Assemblée... Sicilia, vol. 1, p. 118), и сказать «собственник» — все равно что сказать интеллигентный, трудолюбивый человек, экономный и честный отец семейства» (Ibid., p. 928). Некоторые их высказывания на эту тему звучат по меньшей мере пикантно в устах политических деятелей, объявивших — как это сделали умеренные — борьбу за свободу и независимость Италии своей основной задачей: «Собственность не менее священна, чем свобода родины» (Ibid., p. 283). Или: «После жизни и чести нашей мы более всего хотим видеть собственность неприкосновенной» (Ibid., p. 123).

О социализме и коммунизме авторы подобных высказываний обычно открыто не упоминали, возможно, в суеверной надежде, что «некоторые роковые теории, которые стучатся нынче в дома богачей», останутся, если на них не реагировать, «смирно ожидать у входа» (Le Assemblée, Toscana, vol. 2, p. 575). Такая же скрытая полемика с коммунизмом шла в ассамблеях и по вопросу об экономическом равенстве (оно, как и следовало ожидать, объявлялось противоречащим не только человеческой натуре, но и воле providения), и по некоторым другим вопросам.

⁷⁴ Cavour C. Tutti gli scritti, vol. 3, p. 1231.

Но чаши весов во Франции перестали колебаться не сразу. Реакция победила, но какое-то время положение еще казалось неопределенным. Французские рабочие, которых июньские дни отбросили «на задний план революционной сцены»⁷⁵, не мирились со своим поражением. Они снова и снова пытались «пробиться вперед»⁷⁶, и каждая такая попытка вызывала у буржуа и помещиков Италии (как и всей Европы) новую волну тревоги, страхов, подозрений⁷⁷.

В результате «кипение страстей» вокруг социализма и коммунизма — страх перед ними, полемика, скрытая и открытая, лихорадочные поиски максимально надежного «противоядия» от них — продолжались в Италии, то затихая, то вспыхивая вновь, вплоть до государственного переворота Луи Наполеона Бонапарта.

* * *

Еще в марте 1848 г. Маминани писал, что «свобода... и спонтанность в экономике, как и в любой другой сфере общественной жизни, — это первопричина и неиссякаемый источник всякого прогресса, всякого спасения (от угрозы со стороны масс. — К. К.) и процветания»⁷⁸.

Несколько месяцев спустя та же мысль легла в основу доклада члена парламентской комиссии по петициям пленарному заседанию ассамблеи Тосканы. Речь шла о петиции некоего Дж. Чирри. «Сожалея о страданиях рабочих», Чирри, как видно из доклада, призвал ассамблею ввести в Тоскане нечто вроде потребительского коммунизма и для начала обложить налогом по 2 сольди в день «всех, кто сможет его платить». На собранные таким образом средства следовало создать национальные мастерские для безработных.

Предлагая ассамблее отвергнуть предложение Чирри (что та и сделала), докладчик сказал: в этой петиции — «одна из утопий так называемых социалистов. Под предлогом придуманной ими организации труда они сковывают свободу честных и трудолюбивых граждан. Они хотят, чтобы труд... регулировался законами неизменными, часто странными и произвольными», и это в то время, как «самые известные экономисты в результате длительных исследований признали, что благополучие, моральное состояние и богатство общества требуют свободы промышленности и труда». И так как это говорилось вскоре после июньских боев в Париже, то, конечно, докладчик не преминул упомянуть о «мрачных последствиях», какие возымела

⁷⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8, с. 126.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Так, Кавур, в конце июня 1848 г. настроенный весьма «радужно», в октябре того же года допускал, что для окончательной победы над французскими рабочими, возможно, потребуется «вторая битва на улицах Парижа» (Cavour C. Epistolario, vol. 5, p. 344). В декабре он считал, что «социальный порядок во Франции спасен» (Ibid., p. 379), а год спустя, в декабре 1849 г., в ужасе писал, что социализм, «точно прибой на море, неудержимо захлестывает эту страну» (Ibid. Bologna, 1982, vol. 6, p. 346).

⁷⁸ Mamiani T. Scritti politici, p. 246.

для Франции попытка осуществить «пустые и опасные» утопии социалистов⁷⁹.

Наиболее четкую и по-своему логичную разработку вопроса о буржуазных свободах, как панацее от социализма и коммунизма, мы находим в статьях и речах К. Кавура. Все более убеждаясь по мере развития революции 1848 г. в чрезвычайной важности социального вопроса⁸⁰, Кавур, даже и отказавшись от намерения специально заняться изучением коммунизма, не переставал размышлять о нем. В сентябре 1848 г. он выступил с новой статьей на эту тему.

Критиковать национальные мастерские (уже распущенные французским правительством) и право на труд (и без того доживавшее во французской конституции последние дни) уже не было нужно. Новая статья Кавура (ставшего к тому времени министром торговли, сельского хозяйства и финансов Пьемонтского королевства) была навеяна прениями по финансовым вопросам в законодательном собрании Франции и говорила о прогрессивно-подоходном налоге. Несмотря на различие сюжетов, она фактически продолжает статьи о социализме и коммунизме, опубликованные Кавуром весной 1848 г.

«Люди, рассуждающие логически, но высказывающиеся за введение прогрессивно-подоходного налога,— пишет теперь Кавур,— не отрицают, что налог этот причинил бы обществу огромный вред (ударив по интересам капиталистов, он уменьшил бы их стремление экономить деньги и вкладывать их в производство.— *К. К.*). Но они считают, что капиталы должны накапливаться усилиями не отдельных граждан, но правительства». Кавур, очевидно, не склонен был более отмахиваться от этой перспективы ссылкой на «странный и фантастический характер» сенсимолизма и фурьеризма, как он делал это в марте. Он даже пишет, что перспективу образования новых капиталов заботами правительства «одну только и можно противопоставить выдвинутым нами аргументам». Но в сентябре, как и в марте, 1848 г. он уклоняется от принципиального спора на эту тему. «Мы не станем сейчас опровергать такую возможность,— продолжает он,— скажем лишь, что ее нельзя допустить, не признав социализм... Идея, которая господствует во всех их (социалистов.— *К. К.*) доктринах, принцип, из которого вытекают все их теории, в том и состоят, чтобы сделать власть, представляющую общество, главной и даже единственной силой производства. Допустите, что эта власть может непосредственно заниматься образованием капиталов, и неумолимая логика вынудит вас признать в той или иной форме все идеи социалистов»⁸¹.

⁷⁹ Le Assemblee... Toscana, vol. 1, p. 119—120.

⁸⁰ «Революция 1848 г. во Франции,— писал он в декабре того же года.— пролила свет на одну великую истину: важнейшие проблемы, которые призвано разрешить наше время,— это более не политические, а социальные проблемы... Эта истина, которую долгие годы тщетно утверждали в тиши своих кабинетов самые знаменитые экономисты, стала такой ясной и неопровержимой в гуле площадей, шуме уличных боев, что всякий, кто не поражен интеллектуальной слепотой, вынужден признать ее чрезвычайную важность» (*Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1448).

⁸¹ Ibid., p. 1324—1325.

Два месяца спустя вопрос встал практически. Лидер демократической фракции Пьемонтского парламента, профессор Пескаторе предложил применить принцип прогрессивности при распределении облигаций выпускаемого правительством принудительного займа. Кавур ринулся в бой⁸². «Вы сделаете большую ошибку, господа,— сказал он, выступая в палате,— если будете рассматривать социализм как теорию, полностью экстравагантную и абсурдную, основанную на химерах... Эта система, прельстившая многие избранные умы, основана на принципе хотя и ошибочном, но достойном тщательного рассмотрения, привлекательном и серьезном. И состоит этот принцип в том, чтобы заменить государством, обществом владельца частного капитала в великом деле накопления богатств»⁸³. И вместо принципиальных возражений — ссылка на плачевное экономическое состояние, в котором находится Франция, «еще недавно столь цветущая» (точно экономический кризис не бушевал в это время и в других странах Европы, в том числе в Пьемонте!)

«Это не икарыйские мечты Кабе и не фаланстерские опыты фурьеристов», это «полусоциализм» некоторых членов Временного правительства, это «сочиненные господами Гарнье-Паже и Дюклерком декреты о прогрессивном налоге, об экспроприации банков, страховых кампаний, железных дорог», говорил Кавур, испугали капиталистов, разрушили кредит, привели к застою промышленность и торговлю. А будь эти декреты реализованы, правительство немедленно взяло бы в свои руки управление железных дорог, банков, а затем и других отраслей крупной промышленности». Он, Кавур, счастлив, что этого не произошло⁸⁴.

В середине XIX в. в стране, еще только вступающей в стадию «свободного капитализма», Кавур не мог, конечно, знать, что его протест против замены частного предпринимателя государством был, по сути, протестом против государственного капитализма, отдельные черты которого точно предвосхищали в своих концепциях некоторые утопические социалисты тех лет⁸⁵. Но Кавур достаточно знал социальные утопии своего времени, чтобы понимать, что утопии эти — по крайней мере основные из них — стремятся не столько к замене частного предпринимателя государством, сколько к перестройке социального уклада. Но об этом он предпочитал своим чи-

⁸² «Вчера у нас предложили ввести прогрессивно-пропорциональный налог. Я живо отверг абсурдное предложение... Прогрессивный налог — чудовищность, достойная единственно Прудона», — писал он на завтра в частном письме (*Cavour C. Epistolario*, Bologna, 1980, vol. 5, p. 364—365). Скажем заодно, что изречение Прудона «собственность — это кража» навлекло на него особую ненависть итальянских умеренных. Кавур, в частности, считал, что Прудон — «это самый злобный враг, какого только имеет принцип собственности» (*Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1351). Д'Адзелио, перефразируя Прудона, заявлял, что «коммунизм — это лишь элегантный синоним слова кража» (*Azeglio M. d. Scritti e discorsi politici*, vol. 2, p. 24).

⁸³ *Cavour C. Discorsi parlamentari*. Firenze, 1932, vol. 1, p. 88—93.

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ «Черты, сближающие ее с государственным капитализмом», имела, в частности, как отметил В. П. Волгин, промышленная система Сен-Симона (*Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей*. М., 1976, с. 180—181).

тателям и слушателям не сообщать. Его анализ идей социализма и коммунизма был, как мы уже говорили, анализом их «жизнеспособности» в рамках капиталистического строя.

Не будем торопиться с дальнейшими выводами. Поиски Кавуром наиболее эффективного «противоядия» от социализма и коммунизма продолжались. В процессе этих поисков он подходил к вопросу с различных сторон: заявлял, что быстрое и легкое распространение социалистических теорий во Франции в значительной мере объясняется плохим состоянием экономической науки в этой стране⁸⁶. Утверждал, что «единственный способ избежать безумств социализма — это показать себя справедливыми и великодушными по отношению к низшим классам»⁸⁷. Писал, что «великие налоговые реформы сэра Роберта Пиля и жертвы, на которые пошла земельная аристократия, спасли Великобританию от заразы социализма», в то время как «упорство французских монополистов, владельцев лесов и пастбищ... расчистили путь последователям Фурье и Луи Блана»⁸⁸.

А в июне 1850 г. Кавур заявил, что административная централизация порождает социализм, ибо «нельзя возвести на прочном фундаменте здание либерализма, если политическая жизнь страны сконцентрирована в сердце государства, его столице», и не бьет ключом «как в самых больших городах, так и в самых малых коммунах». «Я каждый день читаю в газетах и часто слышу в парламенте... — продолжал он, — что правительство должно поощрять сельское хозяйство, должно покровительствовать торговле, должно, наконец, удовлетворять все нужды государства. Но ведь это не что иное, как — в другой только форме — призыв идти и впредь по пути централизации!» И в доказательство того, что этого делать не следует, — вновь ссылка на Англию, правительство которой «предоставляет промышленникам, коммерсантам, землевладельцам самим проявлять свое умение и искусство»⁸⁹. Прошло еще 9 месяцев, и Кавур объявил таможенный протекционизм плацдармом, на котором размещает свои батареи социализм⁹⁰.

Не будем удивляться упорным попыткам Кавура «привязать» социализм к чисто буржуазным институтам, таким, как прогрессивное налогообложение, административная централизация, таможенный протекционизм. Он брал в этом пример с французской «партии порядка», которая после июня 1848 г. наклеивала ярлык социализма

⁸⁶ *Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1449.

⁸⁷ *Cavour C. Epistolario*. Bologna, 1882, vol. 7, p. 68—69.

⁸⁸ *Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1449—1450. Англия вообще была для Кавура, как и для большинства европейских буржуа, «обетованной страной» лавирования и либеральных свобод. Еще в апреле 1848 г., после того как по улицам Лондона мирно прошла грандиозная чартистская демонстрация, Кавур, не скрывая ужаса, писал, что чартистская (рабочая. — *К. К.*), революция была бы «одним из самых ужасных бедствий, какие только могут поразить человечество», и не скрывал восторга тем, что английское правительство сумело, не прибегая к оружию, предотвратить эту революцию (*Cavour C. Tutti gli scritti*, vol. 3, p. 1176).

⁸⁹ *Cavour C. Discorsi...* Firenze, 1932, vol. 2, p. 185—187.

⁹⁰ *Ibid.* Firenze, 1933, vol. 3, p. 269.

и коммунизма на все ей неугодное. «Шло ли дело о праве подавать петиции или о налоге на вино, а свободе печати... о клубах или муниципальном устройстве... — писал о Франции тех лет К. Маркс, — приговор был всегда готов и неизменно гласил: „Социализм!“»⁹¹.

Интересно в этой речи Кавура другое — то четкое противопоставление двух «школ», какое она содержит. «Новая история, особенно история последнего столетия, — говорил Кавур, — явственно показывает, что общество неотвратно идет по пути прогресса». В сфере политики он стремится призвать все большее число граждан к участию в политической власти; в сфере экономики — к улучшению положения низших классов, к лучшему распределению продукции земли и капиталов. Однако одни, стремясь к этой цели, «верят в свободную конкуренцию, свободное моральное и интеллектуальное развитие человека, верят, что повсеместное применение принципа свободы приведет к росту благосостояния всех и особенно низших классов общества. Этими принципами руководствуются государственные деятели... Англии». Но есть и другая школа, она «придерживается принципов, в корне отличных. Ее последователи верят... что положение рабочих классов не может быть улучшено, если не ограничивать все более деятельность каждого отдельного человека и не расширять безмерно сферу действий правительства, которое еще предстоит создать... Это, о господа, это школа социализма»⁹².

И снова знакомое нам признание притягательной силы социалистических идей: «Не надо строить иллюзий, хотя эта школа и пришла к выводам мрачным и подчас ужасным, нельзя отрицать, что в ее принципах есть что-то привлекательное для душ благородных и возвышенных». Поэтому бороться с социализмом, который грозит «захлестнуть всю Европу», надо не материальной силой, не пушками — они могут лишь на время подавить идею, — а «противопоставляя его принципам свои принципы, его идеям свои идеи»⁹³.

Вот теперь концепция созрела. «Волшебное слово» найдено. И оказывается этим волшебным словом всего-навсего буржуазный либерализм и свободная игра капиталистических сил.

В сущности, и это утопия — некий идеализированный, никогда и нигде, и в том числе в Англии, на которую ссылается Кавур, не существовавший и невозможный капитализм. Капитализм, в котором социальный вопрос разрешен и классовые противоречия смягчены, чуть ли не вовсе уничтожены благодаря «христианскому милосердию» и «мудрым реформам» высших классов. Сельское хозяйство, промышленность, торговля, свободные от каких-либо уз и от вмешательства государства, цветут пышным цветом. Повсюду в стране кипит политическая, общественная жизнь. Повсюду царит свобода — «свобода личности, свобода коллективная, муниципальная свобода»⁹⁴. Тоже утопия. Реакционная.

⁹¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд., т. 8, с. 160.

⁹² *Cavour C. Discorsi...*, vol. 3, p. 269.

⁹³ *Ibid.*, p. 267—269.

⁹⁴ *Ibid.*, vol. 2, p. 294.

Ч. Бальбо специальных статей о социализме и коммунизме в 1848—1849 гг. не писал, но в его работах начала 50-х годов есть немало высказываний на эту тему. Не следует искать в них сложную аргументацию, нюансировку красок. Антикоммунизм Бальбо принимает в послереволюционные годы особенно яростный, обнаженный характер.

В 1848 г., пишет он, Временное правительство Франции дало невыполнимые обещания «партии, не совместимой ни с каким государством, ни с каким обществом», партии, которая «точно в насмешку называла себя социалистической и коммунистической», что, «по сути, одно и то же»⁹⁵. «Ультранародная» и «ультраплебейская», эта партия с февраля по конец июня 1848 г. «тиранила другие партии»⁹⁶. То была «вакханалия социализмов и коммунизмов»⁹⁷. А революция 1848 г. была периодом «социального распада» и «позором цивилизации». В июне 1848 г. социалисты и коммунисты были наконец разбиты. Тех, кто это сделал, «естественно, ценой большой крови», должны вспоминать с благодарностью не только французы, но и все европейцы⁹⁸.

Это — о 1848 годе. Что же касается идей социализма и коммунизма, то они не представляются Бальбо ни новыми, ни сложными. Сваливая все и вся «в одну кучу», он пишет, что эти идеи всего лишь повторяют «очень старые мечтания Платона, Томаса Мора, Кампанеллы, Бабёфа», а также идеи, «которыми руководствовались участники... жакерий, анабаптисты и уравниатели всех времен и народов»⁹⁹. 1848 год продемонстрировал их практическую неосуществимость, и теперь они не могут победить «иначе, как в порядке исключения в каком-либо отдаленном уголке земного шара и на несколько дней»¹⁰⁰.

Однако, уверяя в этом других, Бальбо не слишком убежден в своих словах сам. В другой своей работе он признает: «Сказать, что эксперимент, проведенный в 1848 г. нацией в 34 миллиона человек и так быстро и решительно ликвидированный, будет последним на века... значило бы сказать слишком много»¹⁰¹. Но даже если бы социалистам и коммунистам удалось реализовать свои идеи на большой территории и на длительный срок, эти идеи все равно потерпят крах, ибо они «противны человеческой природе». Не может быть, чтобы в обществе, «даже и организованном социалистами и коммунистами, не появились люди, не желающие мириться с более чем спартанским, более чем монастырским равенством и рабством, и не поднялись, чтобы с ними покончить»¹⁰². Так, ставкой на силы контрреволюции успокаивает Бальбо своих читателей и самого себя.

Что касается «противоядия» от «социализмов и коммунизмов», то рецепт Бальбо тот же, что и в предреволюционные годы: благотворительность — с той, однако, характерной оговоркой, что «благодеяния низшим классам не должны разорять классы, которые эти благодеяния совершают»¹⁰³.

* * *

Свой объемистый труд о «гражданском обновлении Италии» Джоберти начал писать уже в 1849 г. — по «свежим следам» революции 1848 г.¹⁰⁴ В этой книге нет — как нет их и в дореволюционных работах Джоберти — таких злобных выпадов против социализма и коммунизма, какие в изобилии рассыпаны в работах Бальбо. Джоберти даже отмечает теперь как заслугу социализма то, что он пролил свет на нужды плебеев. Однако, признав это, он тут же пишет, что взгляды социалистов неясны, смутны и что социалисты «выдают за научную истину предположения химерические и неопределенные»¹⁰⁵. С коммунизмом — а это, по мнению Джоберти, «своего рода практический социализм» — дело обстоит «еще хуже», потому что творцы некоторых коммунистических теорий стремятся полностью осуществить свои идеи. Они задерживают этим прогресс демократии и «вкладывают оружие в руки ее врагов»¹⁰⁶. В 1848 г. «экономисты Февраля», следуя лживым и опасным утопиям, испугали публику, не удовлетворив новаторов, причинили серьезные беды и разрушения и придали событиям «направление неуверенное, сомнительное — такое, на котором добро смешано со злом»¹⁰⁷. Как сделать, чтобы это не повторилось?

Еще в конце февраля — начале марта 1848 г. Джоберти под непосредственным впечатлением февральских боев в Париже звал «образованные классы» не противиться переменам и даже пойти им навстречу. Только так смогут они предотвратить свою гибель и спасти свои «разумные права»¹⁰⁸.

После 1848 г. он объявляет возрождение плебса (который «унижен всеобщим презрением и часто не имеет необходимого») одной из величайших задач века¹⁰⁹. Его преследует мысль об экономических (социальных. — *К. К.*) революциях, которые предстоят Европе. «Недавний опыт учит нас, — пишет он, — что избежать этих революций можно лишь уничтожив причины, их порождающие»¹¹⁰. Христианское милосердие — это «самая святая обязанность состоятельных классов», но его одного недостаточно, чтобы излечить «язву века»¹¹¹, — формулирует он мысль, уже давно таившуюся за ли-

⁹⁵ Balbo C. Della monarchia rappresentativa in Italia. Firenze, 1874, p. 40.

⁹⁶ Ibid., p. 90.

⁹⁷ Ibid., p. 130.

⁹⁸ Ibid., p. 93.

⁹⁹ Ibid., p. 294.

¹⁰⁰ Ibid., p. 296.

¹⁰¹ Balbo C. Della politica nella presente civiltà. Firenze, 1857, p. 457.

¹⁰² Balbo C. Della monarchia..., p. 294.

¹⁰³ Balbo C. Della politica..., p. 183.

¹⁰⁴ Gioberti V. Del rinnovamento civile d'Italia. Roma, 1969, Vol. 1, 2.

¹⁰⁵ Ibid., vol. 1, p. 142.

¹⁰⁶ Ibid., p. 62.

¹⁰⁷ Ibid., p. 91.

¹⁰⁸ Gioberti V. Apologia del libro intitolato Il gesuita moderno con alcune considerazioni intorno all'risorgimento italiano. Brusselle; Livorno, 1848, p. 429.

¹⁰⁹ Gioberti V. Del rinnovamento..., vol. 1, p. 91.

¹¹⁰ Ibid., p. 100.

¹¹¹ Ibid., p. 104.

хорадочными поисками умеренных все новых «рецептов» от социализма и коммунизма. Нужны экономические реформы. Только они могут побороть бедность и положить предел распространению идей социализма и коммунизма. Поэтому тот, кто отказывается от реформ, готовит почву для «революций... аграрных и кровавых»¹¹².

В частном письме, написанном Джоберти в июне 1851 г., т. е. примерно тогда же, когда писалось «Del rinnovamento...», мы находим четко изложенную автором программу буржуазных реформ. Она не слишком обширна. Ядро ее составляют бесплатное начальное образование и государственные пособия больным, старикам и безработным. Только эти меры, пишет Джоберти, и могут создать условия, необходимые, чтобы собственность перестала быть привилегией немногих и стала достоянием всех¹¹³.

В «Del rinnovamento...» та же примерно программа реформ окутана густым флером социалистической фразеологии и «украшена» отдельными положениями утопического социализма. Впрочем, когда речь заходит о последних, Джоберти уклончив: подводит читателя к ним вплотную и... сворачивает на боковую тропинку. «Каждый человек, — пишет Джоберти, — имеет право жить своим трудом». Общество «обязано» предоставить ему эту возможность¹¹⁴. Право на труд? Звучит похоже, но автор тут же отступает от сказанного и пишет, что «право жить плодами своего труда отнюдь не означает обязанности общества обеспечивать каждого материалом для работы». Общество не могло бы выполнить эту свою обязанность, не прибегнув «к приемам и методам коммунистов». Оно должно лишь «косвенным образом» обеспечивать каждому осуществление этого права¹¹⁵. Как? С помощью бесплатного образования и хороших законов, которые облегчат каждому члену общества приобретение орудий труда или по крайней мере пользование ими¹¹⁶.

Хорошие законы, пишет далее Джоберти, должны также обеспечить каждому члену общества долю плодов общего труда, пропорциональную его усилиям. И тут же поясняет: это нужно для того, чтобы каждый мог, накопив средства, превратить их в капитал¹¹⁷. Так, широко распространенная в ту пору среди утопических социалистов формула «каждому по труду», оказывается истолкованной Джоберти на мелкобуржуазный лад.

Но что же это за хорошие законы, от которых столько зависит? Это налоговая реформа, в результате которой налоги, даже и косвенные, не будут более падать на бедняков, это снижение процента на получаемые рабочими в кредит средства. Взятые вместе, эти меры достаточны, уверяет Джоберти, чтобы рабочие и батраки «получали большую и более справедливую долю общественного богатства»¹¹⁸.

¹¹² Ibid., p. 100.

¹¹³ Gioberti V. Epistolario. Firenze, 1936, vol. 10, p. 224.

¹¹⁴ Gioberti V. Del rinnovamento..., vol. 2, p. 17.

¹¹⁵ Ibid., p. 17—18.

¹¹⁶ Ibid., p. 18.

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Ibid., vol. 1, p. 21.

В центре всех рассуждений стоит, однако, вопрос о собственности. Говоря о ней, Джоберти не скупится на прилагательные: собственность и семья — это «институты естественные, необходимые, неискоренимые, древние и вечные, как и сам человеческий род»¹¹⁹.

Эти хвалы относятся тем не менее не ко всякой собственности (не относятся, в частности, к феодальной), а лишь к собственности, возникшей как результат труда, придающего дарам природы ценность, которой они раньше не имели. Такая собственность, «точно кровь, распространяется по всем членам социального организма... и приносит доход даже и беднякам»¹²⁰. Стремление к ней — это «инстинкт человека, не поддающийся, как то думают коммунисты, произволу законодателя»¹²¹.

Джоберти не мог, конечно, не видеть, что лицо современного ему мира, и в том числе Италии, определяет отнюдь не трудовая собственность. Он был вынужден поэтому признать, что «возрождение шлебеев» предполагает трансформацию собственности. Только проводить эту трансформацию надо, настаивал он, постепенно, «не ущемляя интересы собственников, действуя не силой произвола или правительственного диктата, но силой общественного мнения и (опять-таки! — К. К.) хороших законов, которые сделают... распределение собственности соответствующим благу наибольшего числа людей»¹²².

Итак, трудовая — а значит, как правило, мелкая — собственность, становящаяся постепенно достоянием все большего числа, если не всех членов общества. Правительство, которое «косвенным образом» помогает работнику приобрести сырье для работы и даже орудия труда. Заработок работника, позволяющий ему накопить деньги и «открыть свое дело» — сквозь все эти черты желанного Джоберти общества явственно проглядывает *его* утопия, утопия, которую он, как и Кавур свою, противопоставляет «гибельным идеям» социализма и коммунизма. Только Кавур идеализирует «свободный» капитализм, в которой Италия еще только вступала, а Джоберти идеализирует и «подправляет» тот отсталый, ремесленный в основном уклад, из которого Италия уже начала выходить. В целом рисуемая Джоберти картина будущего родственна мелкобуржуазному социализму, о котором в «Коммунистическом манифесте» сказано, что он защищает «дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения... стремится... восстановить старые средства производства и обмена, а вместе с ними старые отношения собственности», а также что он «одновременно и реакционен и утопичен»¹²³.

* * *

Итальянские умеренные, их лидеры во всяком случае, сумели уже на рубеже 30—40-х годов XIX в. понять и слабые и сильные

¹¹⁹ Ibid., p. 143.

¹²⁰ Ibid., p. 143—144.

¹²¹ Ibid., vol. 2, p. 49.

¹²² Ibid., p. 16.

¹²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 4, с. 450.

сторонники социалистических и коммунистических теорий тех лет: отсутствие у творцов и сторонников этих теорий четкого представления о пути, который должен привести к торжеству их идей, и органическую связь этих идей с социальными проблемами, в первую очередь с рабочим вопросом.

Судя по ряду данных, интеллектуальная «элита» умеренных была достаточно хорошо знакома со многими — основными и второстепенными — социальными утопиями первой половины XIX в. В работах Бальбо, Дзюберти, д'Адзелио, Кавура, Мамиани не раз встречаются имена Сен-Симона, Фурье, их последователей, а также имена Луи Блана, Прудона, Леру, Кабе. Тщетно, однако, искать в этих работах развернутую критику той или иной утопии.

Умеренных тревожили и возмущали не детали государственного устройства республики Икаррия или организации фаланстеров. Им представлялось нарушающим самую основу человеческого существования то антикапиталистическое, антисобственническое начало, какое несли в себе лучшие из этих утопий.

Весной 1848 г., когда многим в Европе казалось, что социализм вот-вот станет реальностью во Франции, особое внимание умеренных привлекли те декреты, лозунги Февральской революции, в каких они — справедливо или нет — увидели начало претворения социализма в жизнь. Но и тогда они восставали и протестовали не только против «права на труд» или организацию национальных мастерских, но и против социализма и коммунизма в целом.

Принципиальное различие утопического социализма и коммунизма умеренные представляли себе смутно. Широкие слои итальянских либеральных помещиков и буржуа в 1848 г. охватила *антикоммунистическая* истерия (им было достаточно для этого слуха, что коммунисты — против частной собственности). Но Бальбо находил, что коммунизм и социализм — это, по сути, «одно и то же»; Дзюберти — что коммунизм — «это род практического социализма», а Кавур и Мамиани считали коммунизм настолько фантастическим и неосуществимым, что полемизировали в первую очередь с социализмом (а в 1848 г. даже и с «полусоциализмом» некоторых членов Временного правительства Франции).

Но боялись социализма и коммунизма *все* умеренные, и поиски ими «противоядия» от этих «пагубных теорий» начались еще в конце 30-х годов. До революции 1848 г. большинство умеренных сходилось на том, что лучшим «лекарством» от социализма и коммунизма является благотворительность: государственная, общественная, частная. Но грозный 1848-й заставил умеренных опасаться, что одной благотворительностью социальные проблемы не разрешить и не «обезвредить». Начинаются лихорадочные поиски нового, более эффективного средства. «Рецепты», выдвигавшиеся в ходе этих поисков, содержали различные «наборы» буржуазных реформ и попытки идеализации капиталистического строя на отдельных этапах его развития. Социалистическим утопиям противопоставлялись капиталистические. Иные доводы, аргументы, схемы явственно предвосхищали доводы, аргументы, схемы зрелого антикоммунизма.